

Волкам, с которыми я бегу.

*И тебе. Тебе, кто боится. Тебе, кто испытывает
необъяснимое беспокойство и безжалостный страх,
способный охватить в тот момент, когда меньше
всего этого ждёшь. Тебе, кто ведёт войну со своим
телом и боится слушать биение собственного
сердца. Это твоя книга.*

ПРОЛОГ

Нафраим открыл банку и понюхал икру. Она была свежей, но очень мелкой. Он вывалил её на льняную скатерть, и ткань впитала в себя излишки солёной воды.

Нафраим покатал красноватую жемчужину между пальцами и слегка сжал. Превосходная консистенция, тягучая оболочка, какая бывает только у икры белого кариуса. Однако по размерам икринка была не больше ячменного зерна. Потребуется концентрация и твёрдая рука.

Нафраим пощёлкал костяшками пальцев и придвинул лампу. Пламя затрепетало, разозлив его, но приходилось терпеть, пока он не отладит газовые фонари. Три взрыва за один месяц способны заставить усомниться во всём эксперименте. К счастью, он не был ограничен во времени, поэтому можно успеть во всём разобраться.

Он передвинул лупу над столом. Медные заклёпки взвизгнули. Нафраим подтянул винты, державшие лупу, и зажал рамку вокруг банки. У этого временного инструмента тоже имелся невероятный потенциал, но и ему пришлось подождать. Сначала самое важное.

Под лупой пальцы казались бледным полем, иссечённым бороздами. Нафраим взял икринку, проколол оболочку и осторожно сжал. Вокруг отверстия образовалась масляная капля. Она затряслась, оторвалась и упала на скатерть. Важно не жать слишком сильно, иначе капля разлетится на части. Тончайший баланс. Он сжимал до тех пор, пока оболочка не стала плоской, и глубоко вдохнул перед самой трудной операцией.

Он вынул пробку из колбы с кровью и погрузил в неё кончик шприца, похожего на пыточный инструмент. Длинная стеклянная ампула, заключённая в изысканную серебряную оправу. Он никогда не умел правильно обращаться со шприцами, хотя пользовался ими так долго, что спокойно мог наполнить одной рукой.

Теперь аккуратно.

Он осторожно поднёс кончик шприца к икринке. Они слились. Игла погрузилась внутрь оболочки, и Нафраим нажал на шприц, чтобы из него вышла кровь. Это зрелище всегда захватывало его. Поначалу оболочка казалась сплюсщенной. Можно было подумать, что она сопротивляется. Но потом она присасывалась к игле и расширялась, как кузнечные мехи. Изголодавшаяся, раздувшаяся от крови ягода.

Рука затряслась от застарелой боли, и Нафраим слегка повернул её, чтобы восстановить контроль. Он опустил икринку обратно в банку и взял следующую. В дверь постучали.

Нафраим ответил, не отрывая глаз от работы:

— Я занят, Офре.

Из-за дубовой двери голос Офре звучал приглушённо.

— Господин, он настаивает.

— Все настаивают. Ни с кем, кроме королевы, я встречаться не стану.

Наступила тишина, но Нафраим знал, что Офре всё ещё стоит за дверью.

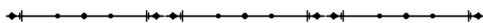
— Господин, он говорит, что вы захотите с ним побеседовать.

Нафраим проделал дырку в икринке.

— Ну, так попроси его прийти завтра.

— Господин, он говорит...

Наступила пауза, и Нафраим поднял глаза. Ему вдруг стало любопытно, чем закончится эта фраза.

— Он говорит, что он монах из Суртфельского монастыря и что он отмечен... дьяволом?

Нафраим отвёл лупу в сторону и выпрямился. Заметил, насколько темно в его мастерской. Свет лампы не доходил до верха тяжёлых книжных полок, а тени делали комнату на удивление незнакомой, наполненной предметами, чьи очертания вызывали тревогу. Модели и инструменты, карты и рисунки. Стол с медными трубками и колбами, похожий на механическое чудовище. Когда-то ему не хватило бы света для работы — зрение подвело бы его. Но это было давно. Слишком давно.

Офре с другой стороны двери кашлянул.

— Я попрошу его вернуться завтра, господин.

— Нет, нет... Входи, Офре.

Офре открыл дверь и неуверенно шагнул вперёд. Нафраим свернул льняную скатерть с икрой и убрал её в ящик письменного стола. Вытер пальцы носовым платком и надел перчатки.

— Господин?

— Да, Офре, пригласи его сюда, вниз.

Взгляд старого дворецкого скользнул по полкам с заспиртованными анатомическими образцами.

— Уверены, что не хотите подняться наверх, господин?

— Офре, я слишком стар, чтобы думать о чувствах других людей. Пришли его сюда.

Офре кивнул и зашагал вверх по винтовой лестнице, задевая коленями ступени.

Через некоторое время он вернулся, но уже не один.

— Брат Лавр из Суртфельского монастыря, господин, — сказал Офре, пропуская вперёд своего спутника. Потом вышел и закрыл за собой дверь, но, передумав, вернулся.

— Чаю, господин?

Нафраим покачал головой, и Офре скрылся.

Монах остался стоять в дверях. Нафраим никогда раньше не видел этого красивого благообразного мужчину лет

тридцати. Низ промокшего от дождя плаща был испачкан грязью, башмаки стоптаны и изношены. Он прижимал к груди узелок, опустив глаза к полу.

Нафраим понял, что монах впервые видит долговечного, и почувствовал укол совести. Следовало навещать их чаще, укреплять узы с теми, кто поколениями следовал за ним. Но годы летели так быстро.

Он жестом подозвал монаха ближе.

— Лавр? Мы раньше не встречались, — произнёс он, хотя и не был уверен, что это хорошее извинение. — Но, возможно, я был знаком с твоим предшественником?

— Нет... — мужчина встретился взглядом с Нафраимом. Судя по всему, это обеспокоило его, и он поспешил добавить: — Но вы знали предшественника моего предшественника.

— Ааа...

Монах сделал два шага к письменному столу, но его ноги, казалось, тяжелели с каждым шагом. Он скользил взглядом по инструментам, пока не остановился на заспиртованном желтоватом сердце.

— Волк, — сказал Нафраим, но уверенности в том, что он разрядил обстановку, у него не было. Монах, разглядывая с открытым ртом инструменты, энергично закивал, как будто именно так и думал. Он протянул руку к блестящим выключателям газовой горелки.

Нафраим вскочил со стула.

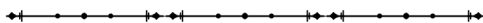
— Не трогай!

Мужчина отдернул руку и попятился.

Нафраим повторил уже спокойнее:

— Не трогай. Не трогай... ничего. Посмотрим, что там у тебя.

Лавр положил узелок на стол, развязал ремни и развернул тряпицу, под которой оказалась ещё одна. Он развернул и её, и на свет показался стеклянный сосуд, наполовину на-

полненный землёй. Из земли торчал крошечный зелёный росток.

— Откуда? — спросил Нафраим, заранее зная ответ.

— Из Свартны, господин... Из центра Варграка.

Нафраим поглядел на карманные часы.

— Уже поздно, брат Лавр. Ты устал и голоден, поэтому предлагаю тебе остаться здесь до завтра. Поднимись наверх и попроси Офре приготовить для тебя комнату и что-нибудь поесть.

Лавр потупил глаза.

— Очень щедро с твоей стороны, господин. Будь благодарен.

Он поднимался по лестнице с плохо скрываемым облегчением.

Нафраим опустился на стул. Он разглядывал зелёный росток и убеждался, что смотрит на собственную смерть.

Он всегда представлял, что конец мира нагрянет подобно дикому зверю. Чудовищная ярость, древняя, с зубами и когтями. Так нелепо, что он заявил о своём приходе в образе молодой хрупкой жизни.

Два крошечных листочка расходились в стороны, как страницы раскрытой книги, готовые разрастись от рассказов об ужасных поступках Нафраима. О грехах, за которые он должен ответить, — а их накопилось немало. Он грешил более шестисот лет, но немногие из его прошлых грехов могли сравниться с теми, что он будет вынужден совершить теперь.

НОВИЧОК

Хуже, чем этот новичок, и представить было невозможно. Городской лоботряс, который после одной ночи в Свартне вообразил себя охотником на волков. Неуклюжий, судорожно-дружелюбный, болтающий без остановки. Юва готова была залепить уши снегом, только бы его не слышать.

Но вместо этого она встала и принялась складывать спальные шкуры. Пусть все остальные сидят, слушают и снисходительно кивают тому, как новичок своими шутками понапрасну расходует ценный дневной свет. Неужели ради этого она встала раньше всех? Юва разожгла костёр, чтобы у остальных были еда и тепло, когда они проснутся. Охотники постепенно выползали из вырытых в снегу нор. На этот раз их было семеро.

Обычно бывало шестеро. Шестеро — лучше.

Новичок встал последним и всё же умудрился совершенно спокойно разместить свою задницу прямо у огня. Там он и сидел, болтая с набитым ртом. Вообще-то, сейчас он должен был паковать вещи. Готовиться. Как можно лучше готовиться. Как минимум подготовить снаряжение.

Юва перекинула шкуры через сани, украдкой поглядывая на новичка. У него были новые кожаные сапоги, широкие, открытые. Такие сапоги больше подходили для прогулок по улицам Наклава. Вчера они промокли насквозь, то же произойдёт и сегодня. Новичок поставил свой арбалет плечами в снег, как будто не знал, где у него зад, а где перёд. Если дело

когда-нибудь дойдёт до стрельбы, в пазу для болтов будет лёд. Болты торчали из колчана на его бедре и позвякивали, ударяясь друг о друга, когда он шевелился. Если охотники и смогут подобраться к какому-нибудь волку, то разве что к глухому.

Юва бросила взгляд на остальных и заметила, что Броддмар рассматривает её, выскребая последнюю ложку каши из котелка. Она повернулась к нему спиной и подтянула ремни на одежде. Португепя всегда казалась ей слишком тяжёлой, ведь она принадлежала отцу, но зато поношенная кожа стала мягкой и уже давно нигде не тёрла. Юва хорошо подогнала отцовскую одежду. Один ремень пересекал грудь и уменьшал вес закреплённого на спине арбалета, на пояском ремне висела большая сумка, а нож для свежевания туш покоился в ножнах. Юва подтянула застёжку, которая удерживала болты у бедра. Они выстроились в ряд, их коричневые от яда стальные наконечники были надёжно прикрыты. Важно, чтобы болты удобно доставались, но в то же время они должны крепиться прочно, чтобы не рассыпаться при падении. Юва надеялась, что новичок ради своей же безопасности не пользуется отравленными наконечниками, потому что в противном случае он при первом же падении сам себя прикончит.

Она услышала шаги Броддмара по снегу у себя за спиной.

— Слушай, Юва...

— Нет. Я его не возьму.

Броддмар ответил не сразу: обычно он обдумывал слова перед тем, как их произнести, в отличие от новичка. Но с другой стороны, он был так стар, что годился ей в дедушки; видимо, сила и молчаливость приходят с годами. Поэтому в их отряде решения принимал он. И вот теперь Броддмар решил, что они возьмут с собой этого молокососа, из-за которого охота в лучшем случае будет напрасной, а в худшем — опасной для жизни.

— Хорошо, — наконец сказал Броддмар. — Когда мы разделимся, он пойдёт со мной.

Юва затянула верёвку вокруг спальных шкур так туго, что они стали похожи на песочные часы.

Броддмар кашлянул у неё за спиной.

— Не думаю, что эти шкуры планируют сбежать от нас...

Она повернулась и дёрнула подбородком в сторону новичка, который хвастался своим арбалетом перед остальными.

— Не ты ли всегда говорил, что команда сильна ровно настолько, насколько сильно самое слабое звено? Посмотри на него! Он же никогда не бывал на охоте, да он мальчишка!

Щёки Броддмара запали ещё больше, а это говорило о том, что он прячет улыбку.

— Тебе девятнадцать, а он как минимум на десять лет тебя старше.

Её глаза сузились, и он спешно продолжил:

— Слушай... Он встречается с подругой сестры Гнилобая, и тот не смог ему отказать. Он поохотится с нами всего один раз, Юва.

Это признание уняло её раздражение. Броддмар знал, что совершает ошибку. Он ободряюще улыбнулся, показав широкую дыру на том месте, где когда-то находились зубы, которые выбил её отец. На верхней челюсти у него остались только коренные зубы, и когда он нервничал, то произносил её имя как Юфа. Это всегда действовало на неё обезоруживающе, и Броддмар постоянно этим пользовался.

— Он всё испортит, — пробормотала она.

Броддмар похлопал её по плечу рукой в лохматой варежке из волчьей шерсти и развернулся, чтобы уйти, но Юва схватила его за рукав.

— Значит, ты у меня в долгу, Броддмар. Я хочу быть с тобой, когда ты в следующий раз оденешься в красное.

Броддмар взглянул на остальных, но за потоком слов новичка расслышать их разговор было невозможно.

— Нет, тебя со мной не будет, Юва. Забудь об этом. Лагалуна заклеимила бы меня позором, если бы я позволил тебе пойти со мной, а я не идиот, чтобы ссориться с твоей мамашей.

Можно подумать, Юве было до этого дело.

Юва отпустила рукав Броддмара. Охотника можно было поддразнивать, не выходя за определённые рамки. Она доверяла ему, несмотря на то что он взял с собой новичка. Если Броддмар не считал его опасным, то и ей не стоило. Но беспокойство червём ползало по её желудку. Дело было не в том, что этот дурачок неопытен: пару лет назад она сама была такой же. Проблема состояла в том, что он нервничал. Волновался. Он кинул арбалет так, будто оружие было не важно, словно он отправился с ними не за волчьей шкурой и зубами.

Хотелось бы ей не уметь читать людей, но этому невозможно разучиться. Хочешь ты того или нет, ты начинаешь обращать внимание на то, как люди двигаются, какие слова они выбирают. Из-за этой способности Юва чувствовала себя вором, который крадёт у людей шанс предстать перед другими такими, какими они хотят казаться. Она уже знала о новичке больше, чем он сам. Ей оставалось лишь надеяться, что она ошибается.

Остальные зашевелились. Ханук закидал снегом костёр. Огонь зашипел и потух. Лок сидел на корточках и зашнуровывал снегоступы. Когда он находился в такой позе, его волосы цвета меди касались земли. Лок кивнул на сапоги новичка, который до сих пор не поднялся на ноги.

— Ты что, не боишься вернуться домой с гангреной?

Юва порадовалась, что кто-то наконец задал этот вопрос. Лок мог высказываться очень жёстко, и его часто переполняли эмоции, но он всегда желал людям добра. Он не боялся